

И. Ф.
ГОРБУНОВ

Сочинения

Иван Федорович Горбунов

С легкой руки (Сцены из городской жизни)

«Повез купца одного в Красненькой, и все с ним это они пили... Купец ведь, ежели он пьяный, нашим братом не гнушается — садись с ним вместе и все это... денег ежели у его попросить, хоть умирай, не даст, а на счет пьянства — первый ты ему благоприятель...»

Иван Федорович Горбунов
С легкой руки

— На троичке, ваше сиятельство, прока-
нтил бы... По первопутку-то теперь чу-
десно!..

— К Сергию.

— Можно-с. Взад – назад? Долго ли там про-
будете?

— Часа три.

— А откеда вас взять-то?

— Да вот сейчас и поедем.

— Десять рубликов положьте.

— Ужли, сударь, на эфтой тройке поедете?

— Молчи, желтоглазый! На твоей что ли
ехать?.. Разве у тебя лошади!..

— Далеча ли ехать-то? Пожалуйте, мы на
графских доставим.

— Полно трепаться-то, дьявол! Пожалуйте,
ваше сиятельство!..

— Со мной, ваше сиятельство!..

— За шесть рубликов доставлю, ваше сия-
тельство.

— Со мной пожалуйста... с первым. По край-
ности заслужу вашей милости.

— Садись.

— Покорми дорогой-то.

— Всю Расею не кормя проедем. Микитка,

поправь шлею-то... с Богом!.. Эх вы, милые, действуй!..

– А ты – веселый.

– Я, ваше сиятельство, блажной!

– Как блажной?

– Так. Коли ежели который мне барин понравится – цену собью, а уж его повезу... в убыток, значит... Обиждаются на меня на бирже-то, да ничего не поделаешь, – ндрав у меня такой.

– А у тебя своя тройка.

– Собственная. У нас заведение свое... с дядей мы пять троек держим.

– Славные лошади.

– Бедовые! Коли ежели кто охотник, садись теперича на эту самую тройку, да скажи: Локтев, делай! – Ну, и молись Богу! Птица! Намедни в Колпино знарала возил – очень он одобрял. Этой бы тройке, говорит, на моей знаральной конюшне стоять, а не мужику владать ею.

– А ты водку пьешь?

– Нет, Бог миловал, не пью. Господа ежели когда хорошеньким угощают, ну, не брезгую.

– Какое же это хорошенькое-то?

– Мадера там, что ли... как она у их прозы-
вается...

– А мадеру любишь?

– Люблю. Купцов когда трафится возить с
дамочками, ежели заслужишь – угощают...

– А купцы все с дамочками ездят?

– И купцы, и офицеры... Кто ж с ними не
ездит... Баловников тоже по Питеру-то много;
только, ваше сиятельство, супротив прежних
годов, насчет этого тише стало...

– Отчего же?

– Так уж, значит... времена такие подошли.
А бывало тысячи на Средней Рогатке прожи-
вали. Отец-покойник рассказывал...

– А у тебя помер отец?

– Замерз. Зашибался он. Повез купца одно-
го в Красненькой, и все с ним это они пили...
Купец ведь, ежели он пьяный, нашим братом
не гнушается – садись с ним вместе и все
это... денег ежели у его попросить, хоть уми-
рай, не даст, а насчет пьянства – первый ты
ему благодетель.

– А ты почему знаешь?

– Как нам, ваше сиятельство, не знать! Де-
сятый год езжу, видал народу-то всякого;

опять же и от своего брата слышишь... На нашем дворе стоит Ванька, Талицкой он прозывается.

– Лихач?

– Лихач, ваше сиятельство! Такой-то сорванец, как есть оглашенный! Купчиху одну он все возил, так та, за его услугу, лошадь ему подарила; теперича, может, первый извозчик стал по всему Питеру.

– Что же он?

– Инный раз пойдет это свои оказии рассказывать... страсть! Он так с обнаковенным человеком и не поедет – у его все знакомые; он и на биржу-то выезжает так, чтобы побатвить только.

– Про что же он рассказывает?

– Про разное...

– Да он врет, может.

– Что ж ему врать – врать ему нечего.

– И деньги у него есть?

– Большие.

– А у тебя, чай, тоже денег-то много?

– Какие у нас, сударь, деньги – из-за хлеба на квас выручаем. Это кому счастье, а нашему брату Бог бы привел кое-как, да кое-как...

Опять же эти деньги... греха от их очень много.

– Отчего же?

– Как, сударь, отчего? – Баловства с ими много. Теперича все стараешься все бы как лучше; а как есть у тебя в мошне – ни об чем тебе не думается, все наровишь как бы в трактир, да как бы что хуже еще...

– А ты женатый?

– Женатый. Да ведь как попадет в голову-то, сударь, сам с собой не сообразишь. Наш брат, известно – дурак: коли ежели пьян напился, так ему все одно. Озорников тоже много по нашей части! Эх вы, голубчики... делай!..

*Ух, тю-лю-лю!.. Фи-у!..
«Уж как за неделюшку,
Ах, да сердце чуяло»...*

– Не пой: горло простудишь.

– Мы, ваше сиятельство, простуды не имеем... это у нас без сумления.

«Оно беду слышало»...

– Держи правей-то!.. Держи, леший... заснул!.. Экой облом!.. Не по чугунке едешь.

– Что ты лаешься-то! Аль тебе дороги-то мало?!

– Мало!.. Эх, молодчики!.. Барышня эта, сударь, с офицером... что сейчас-то нас опередила...

– Что же?

– Моя знакомая... Я и тетеньку ее знаю... Она и сейчас в немках в Средней Мещанской живет... в ключницах у мадамы...

– А почему ты знаешь?

– Я-то? хм!.. Я знаю... Я с ихней милостью езжал. Первый сорт барыня... обходительная... два серебром завсегда на чай дает.

– Очень уж много.

– Что ж, деньги у ей вольные. Скажет своему барину: – душенька, требуется мне, хошь бы, например, сто рублей... хошь сто, хошь двести... ну и, значит, получай... отказу ей нет. Силу она над им большую имеет.

– Над барином?

– Да, над стариком-то.

– А он старик?

– Старик уж древний... пять домов у его здесь... Чинами его всякими жалуют... уж очень богатый... А насчет гульбы какой!.. Да-

ром что старый, молодой супротив его не может потрафить, потому он два раза на войне был, на страженьи.

– Так гулять любит?

– Шибко! Как закатится это когда к цыганкам, али с мадамами к Дюсе: хочу, говорит, я, чтобы все чувствовали, что я есть за человек на сем свете: требуй кому что желается – за все плачу! А мадамы эти вестимо... другой и вся цена-то грош, а сама себя за барыню почитает, ну, и требует.

– Так ты почему эту барыню-то знаешь, что проехала-то?..

– Да это вот как, сударь: годов десять назад, зимою дело было, только что дорога стала. Выехал я на биржу, да и думаю – Бог бы привел почин сделать. Известно, тройка – не одиночка, инный раз и неделю так простоишь. Так этак в вечерни, идет барин, высокий такой, – может и купец, а по-нашему, известно, всякого барином обзывает. Тройку, говорит, нужно. Далеча ли ехать? говорю. Куда, говорит, прикажу. Мы, говорю, так не можем, а куда вашей милости угодно – вы скажите. Осерчал. Я, говорит, с тобой, дураком, внима-

ния не хочу иметь говорить-то. Помилуйте, говорю, сударь, у нас дело любовное: угодно вашей милости – повезем, а коли ежели не угодно – на бирже стоять будем. – Я, говорит, куда рассужу, туда и поеду. Так на часы прикажите ехать. Ладно, говорит: – в 7 часов, будь, братец, в Гороховой, стой на углу Красного моста. Дал задаток, посмотрел номер – ушел. В семом часу я приехал. Так этак через полчаса идет мой барин, – надо быть купец по обличью-то. Стань, говорит, к сторонке, и как я сейчас сяду, так ты и пошел на Красенький. Вышли это две барыни, – одна толстая такая, а другая молоденькая. Промеж себя долго это они говорили; толстая взяла ее за ручку и ведет к саням. Та говорит: – хоша вы меня, говорит, убейте, а я не поеду. А барин-то ей: отчего ж вы, говорит, с вашей тетенькой ехать не желаете? Это, говорит, им будет даже очень обидно. Мы, говорит, только прокатем, по той причине, что теперича очень прекрасно, погода, говорит, чудесная. – Тетка ей сейчас по-немецкому, та ей тоже по-немецкому, а сама в слезы; а барин-то, должно, по ихнему-то не умеет, стоит, словно бы статуя

какой. Поговорили, поговорили – сели. Барин-то сел с молоденькой, а тетку посадили насупротив. Пошел! Старайся, говорит: три серебра, коли хорошо сделаешь. А дамочка ко мне это: – тише, говорит, шагом ступай; я говорит боюсь. Ладно, думаю: три серебра посулили... Подобрал вожжи-то, да как пустил голубчиков-то... Взвейся выше, понесися! Что там они промеж себя говорили, про какие такие дела – Господь их знает. Доставил! Тетка это с купцом вышла, а барышня моя сидит. Вы, говорит, собственно меня, тетенька, перед людьми страмить хотите! Я, говорит, этого не желаю и управу на вас завсегда найду. Коли бы ежели, говорит, человек мне ндравился, то никто мне препятствовать не может, а что я, говорит, не согласна. А тетка ей что-то по-ихнему сказала: – пошли. Часу до четвертого я ждал.

– А скучно дожидаться-то?

– Нет, мы к этому привычны – ничего... то тебе дремлет, то думается.

– Об чем думается?

– Все на счет своих делов: как бы, значит, все лучше произойти, да чтобы, например, су-

против своего брата не осрамиться... Вестимо, что по нашей части, то и думаешь. Поехали мы назад-то, немка, подгулявши, должно, была, – всю дорогу песни пела, а барышня все плакала, ровно бы вот у нее мамынька родная померла. Очень уж мне ее жаль стало...

– А купец-то?

– Купец что? – купец ничего. Сел на козлы, подобрал вожжи: – сам, говорит, хочу над твоей тройкой хозяйствовать. Пристяжную замутил, три четвертных отдал, слова не сказал.

– Только, сударь, годов уж шесть прошло. В Петергоф я господ возил, зимой тоже, и дамочки с ими были. Вышли они из гостиницы-то, а я стою у подъезда, трубку курю.

– А ты куришь?

– Балую; давно уж этому обучился. Дядя очень за это ругается, да ничего не поделаешь. Курю это я трубку-то, а дамочка и говорит одному господину: этого, говорит, извозчика, я даже очень хорошо знаю. Почему ты, говорит, миленькая, его знаешь? А потому, говорит, я его знаю, что Гаврилом его зовут. Точно ли, говорит, братец, барыня эта тебя знает? Не могу, говорю, знать, ваше благородно-

дие, потому мы господ возим очень много. А она сейчас: а помнишь, говорит... Тут я ее и признал. Дай, говорит, ему, душенька, три се-ребра на чай, потому, я с его легкой руки жить пошла. Господин мне сейчас и отдал.

– А старика-то ее ты почему знаешь?

– В прошлом году всю зиму с им ездил...

– Направо остановись.

– Слушаю, ваше сиятельство... Тпру! Зама-ял тройку-то... Дорога-то больно... На чаек бы с вашей милости... Заслужил...